

МЛ.
А 65

Г. Х. АНДЕРСЕН

ГАДКИЙ УТЕНОК

ЦК ВЛКСМ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1936 ЛЕНИНГРАД

Хорошо было за городом! Стояло лето. На полях уже золотилась рожь, овес зеленел, сено было сметано в стога; по зеленому лугу расхаживал длинноногий аист и болтал по-египетски, — этому языку он выучился у своей матери. За полями и лугами тянулись

большие леса, а в лесах были глубокие озера. Да, хорошо было за городом!

Прямо на солнышке лежала старая усадьба, окруженная глубокими канавами с водой; от стен дома до самой воды рос лопух, да такой большой, что маленькие ребятишки могли стоять под самыми крупными из его листьев во весь рост. В чаще лопуха было так же глухо и дико, как в самом глухом лесу, и вот там-то сидела на яйцах утка. Сидела она уже давно, и ей это порядком надоело. К тому же ее редко навещали, — другим уткам больше нравилось плавать по канавкам, чем сидеть в лопухе да кричать с нею.

Наконец яичные скорлупки затрещали.

— Пип! Пип! — запищало внутри. Все яичные желтки ожили и высунули головки.

— Кряк! кряк! — сказала утка. Утята кое-как выкарабкались из скорлупы и стали озираться кругом, разглядывая зеленые листья лопуха; мать не мешала им, — зеленый цвет полезен для глаз.

— Ах, как велик мир! — сказали утята.

Еще бы! Теперь им было куда просторнее, чем тогда, когда они лежали в своей скорлупе.

— Уж не думаете ли вы, что тут и весь мир? — сказала мать. — Какое там! Он тянется далеко-далеко, туда, за сад, в поле священника, но там я отроду не бывала!... Ну что, все ли вы теперь тут? — И она встала. — Ах, нет, не все. Самое большое яйцо целехонько! Да когда же этому будет конец! Я скоро совсем потеряю терпенье.

И она уселась опять.

— Ну, как дела? — спросила старая утка, которая пришла ее навестить.

— Да вот, с одним яйцом никак не могу справиться — сказала молодая утка. — Все не лопается. Зато посмотри-ка на малюток! Просто прелесть! Все как один — вылитый отец. А он-то, негодный, даже не навестил меня ни разу!

— А ну-ка, покажи мне яйцо, которое не лопается, — сказала старая утка. — Поверь мне, это индюшечье яйцо! Вот точно так же и меня однажды провели. И хлопот же мне было с этими индюшатами. Я никак не могла заманить их в воду; уж я крякала, крякала — не идут, да и конец! Дай-ка я еще раз взгляну! Ну, так и есть! Индюшечье! Брось-ка его, да ступай, учи других плавать.

— Нет, уж я лучше посижу еще немного, — сказала молодая утка. — Я столько сидела, что можно и еще посидеть.

— Ну, и сиди! — сказала старая утка и ушла. Наконец лопнуло и большое яйцо.

— Пип! Пип! — пропищал птенец и вывалился из яйца. Но какой же он был большой и гадкий! Утка оглядела его.

— Ужасно велик! — сказала она. — И совсем не похож на других! Уж не индюшонок ли это в самом деле? Ну, да в воде-то он у меня побывает, хоть бы мне пришлось столкнуть его туда силой!

На другой день погода стояла чудесная, зеленый лопух был залит солнцем. Утка со всей своей семьей отправилась к канаве. Бултых! — и она очутилась в воде.

— Кряк! Кряк! — позвала она, и утята один за другим тоже бултыхнулись в воду.

Сначала вода покрыла их с головой, но они сейчас же вынырнули и отлично поплыли вперед. Лапки у них так и работали. Даже гадкий, серый утенок не отставал от других.

— Какой же это индюшонок? — сказала утка. — Вон как славно гребет лапками! И

как прямо держится! Нет, это мой собственный сын. Да он вовсе и не дурен, как посмотришь на него хорошенько. Ну, живо, живо, за мной! Я сейчас введу вас в общество,—мы отправимся на птичий двор. Только держитесь ко мне поближе, чтобы кто-нибудь не наступил на вас, да берегитесь кошек!

Скоро добрались и до птичьего двора. Батюшки! Что тут был за шум! Две семьи дрались из-за одной угриной головки, которая в конце концов досталась кошке.

—Так-то всегда бывает на белом свете!—сказала утка и облизнула язычком клюв,—она и сама была не прочь отведать угриной головки.—Ну, ну, шевелите лапками!—сказала она утятам.—Крякните и поклонитесь вон той старой утке! Она здесь знатнее всех. Она испанской породы и потому такая жирная. Видите у нее на лапке красный лоскуток? Как красиво! Это высшее отличие, какого только может удостоиться утка. Это значит, что ее не хотят потерять,—по этому лоскутку ее сразу узнают и люди и животные. Ну, живо! Да не держите лапки вместе! Благовоспитанный утенок должен выворачивать лапки наружу, как отец

и мать. Вот так! Смотрите. Теперь наклоните головки и скажите: кряк!

Они так и сделали. Но другие утки оглядели их и громко заговорили:

— Ну, вот, еще целая орава! Точно без них нас мало было! А один-то—какой безобразный! Его уж мы никак не потерпим!

И сейчас же одна утка подлетела и клюнула его в шею.

— Оставьте его! — сказала утка-мать. — Ведь, он вам ничего не сделал!

— Положим, но он такой большой и странный! — прошипела злая утка. — Ему и надо задать хорошенько.

— Славные у тебя детки! — сказала старая утка с красным лоскутком на лапке. — Все очень милы, кроме одного... Этот не удался! Хорошо бы его переделать!

— Это никак невозможно, ваша милость! — ответила утка-мать. — Он не красив, но у него доброе сердце. А плавает он не хуже, смею даже сказать, лучше других. Я думаю, со временем он выровняется и станет поменьше. Он слишком долго пролежал в яйце, и потому не совсем удался. — И она почесала ему спинку и разгла-

дила перышки. — Кроме того, он селезень, а селезню красота не так уж нужна. Я думаю, что он вырастет сильным и пробьет себе дорогу.

— Остальные утята очень, очень милы! — сказала старая утка. — Ну, будьте же как дома, а если найдете угриную головку, можете принести ее мне.

Вот утята и стали вести себя как дома. Только бедного утенка, который вылупился позже других и был такой гадкий, задевали решительно все. Его клевали, толкали и дразнили не только утки, но даже и куры.

— Слишком велик! — говорили они. А индейский петух, который родился со шпорами на ногах и потому воображал себя императором, надулся и, словно корабль на всех парусах, подлетел прямо к утенку, поглядел на него, а потом сердито залопотал; гребешок у него так и налился кровью. Бедный утенок просто не знал, что ему делать, куда деваться. И надо же ему было уродиться таким гадким, что весь птичий двор смеется над ним.

Так прошел первый день, а потом стало еще хуже. Все гнали бедного утенка, даже братья и сестры сердито говорили ему: „Хоть бы кошка

утащила тебя, несносный урод!“—а мать прибавляла: „Глаза бы мои тебя не видали!“ Утки щипали его, куры клевали, а девушка, которая давала птицам корм, отталкивала его ногою.

Наконец утенок не выдержал, перебежал двор и—через изгородь! Маленькие птички испуганно вспорхнули из кустов.

„Они испугались меня,—такой я безобразный!“ подумал утенок и пустился с закрытыми глазами дальше, пока не очутился в болоте, где жили дикие утки. Здесь он пролежал всю ночь. Он устал, и ему было очень грустно.

Утром дикие утки поднялись из гнезд и увидели нового товарища.

— Это что за птица?—спросили они. Утенок вертелся, и кланялся во все стороны, как умел.

— Ну и гадкий же ты!—сказали дикие утки.—Впрочем, нам до этого нет дела, только не вздумай, пожалуйста, породниться с нами.

Бедняжка! Где уж ему было и думать об этом! Только бы позволили ему посидеть тут в камышах да попить болотной водицы.

Так просидел он в болоте два дня. На третий день туда прилетели два диких гусака. Они

только недавно вылупились из яиц и поэтому очень важничали.

— Слушай, дружище! — сказали они. — Ты такой урод, что, право, нравишься нам! Хочешь бродить с нами и быть вольной птицей? Здесь поблизости есть другое болото, там живут премиленькие дикие гусыни-барышни. Они умеют говорить: „рап, рап!“ Ты такой урод, что — чего доброго — будешь иметь у них большой успех!

Пиф! паф! — раздалось вдруг над болотом, и оба гусака упали в камыши мертвыми; вода покраснела от крови. Пиф! паф! — раздалось опять, и из камышей поднялась целая стая диких гусей. Пошла пальба. Охотники облегли болото со всех сторон; некоторые из них устроились даже в нависших над болотом ветвях деревьев. Голубой дым облаками окутывал деревья и стлался над водой. По болоту бегали охотничьи собаки: шлеп! шлеп! Камыш и осока качались из стороны в сторону. Бедный утенок был ни жив, ни мертв от страха. Он только что хотел спрятать голову под крылышко, как вдруг прямо перед ним очутилась охотничья собака с вынутым языком и сверкающими злыми глазами. Она приблизила к утенку свою пасть, оスカ-

дила острые зубы и — шлеп, шлеп — побежала дальше.

„Не тронула, — подумал утенок и перевел дух. — Видно, я такой безобразный, что даже собаке противно съесть меня!“

И он притаился в камышах; над головою его то и дело свистела дробь, раздавались выстрелы.

Пальба стихла только к вечеру, но утенок долго еще боялся пошевелинуться. Прошло несколько часов. Наконец он осмелился встать, осторожно огляделся и пустился бежать дальше по полям и лугам. Дул такой сильный ветер, что утенок еле-еле мог двигаться.

К ночи он добежал до бедной избушки. Избушка до того обветшала, что готова была

упасть, да не знала на какой бок, потому и держалась. Ветер так и подхватывал утенка,—приходилось упираться в землю хвостом.

К счастью, он заметил, что дверь избушки соскочила с одной петли и висит так криво, что можно свободно проскользнуть через эту щель в избушку. Так он и сделал.

В избушке жила старуха со своим котом и курицей. Кота она звала „сыночком“; он умел выгибать спину, мурлыкать и даже испускать искры, но для этого надо было погладить его против шерсти. У курицы были маленькие, коротенькие ножки, и потому ее так и прозвали „коротконожкой“; она прилежно несла яйца, и старушка любила ее, как дочку.

Утром чужого утенка заметили; кот начал мурлыкать, а курица клохтать.

— Что там?—спросила старушка. Она осмотрелась кругом и увидела в углу утенка, но по слепоте своей приняла его за жирную утку, которая отбилась от дому.

— Вот так находка!—сказала старушка. — Теперь у меня будут утиные яйца, если только это не селезень. Ну, да увидим, испытаем!

И утенка приняли на испытание. Но прошло недели три, а яиц все не было.

Настоящим хозяином в доме был кот, а хозяйской курица, и оба всегда говорили: „Мы и весь свет!“ Они считали самих себя половиной всего света и при том — лучшей половиной. Утенку казалось, что можно на этот счет быть и другого мнения. Но курица этого не допускала.

— Умеешь ты нести яйца? — спросила она утенка.

— Нет!

— Так и держи язык на привязи!

А кот спросил:

— Умеешь ты выгибать спину, испускать искры и мурлыкать?

— Нет!

— Так и не суйся со своим мнением, когда говорят умные люди!

И утенок сидел в углу, нахохлившись.

Вдруг ему вспомнился свежий воздух, вспомнилось солнышко, и ему страшно захотелось поплавать. Он не выдержал и сказал об этом курице.

— Да что с тобой? — спросила она. — Бездельничаешь, вот тебе в голову и лезет всякая чепуха! Неси-ка яйца или мурлычь, — дурь-то и пройдет!

— Ах, плавать так приятно! — сказал утенок. — Такое удовольствие нырнуть вниз головой в самую глубь.

— Вот так удовольствие! — сказала курица. — Ты совсем с ума сошел! Спроси у кота, — он умнее всех, кого я знаю, — нравится ли ему плавать и нырять. О себе самой я уж и не говорю! Спроси, наконец, у нашей старушки-госпожи, — умнее ее нет никого на свете! Она тебе скажет, любит ли она нырять вниз головой в самую глубь.

— Вы меня не понимаете! — сказал утенок.

— Если уж мы не понимаем, так кто тебя и поймет! Что ж, ты хочешь быть умнее кота и нашей госпожи, не говоря уже обо мне? Не дури, а будь благодарен за все, что для тебя сделали! Тебя приютили, пригрели, ты попал в такое общество, в котором можешь кое-чему научиться. Но ты пустая голова, и разговаривать с тобой не стоит. Уж поверь мне! Я желаю тебе добра, потому и браню тебя; так всегда узнаются истинные друзья! Старайся же нести яйца или научись мурлыкать да пускать искры!

— Я думаю, мне лучше уйти отсюда, куда глаза глядят! — сказал утенок.

— Ну, и ступай себе! — отвечала курица.

И утенок ушел. Он плавал и нырял вниз головой, но все вокруг попрежнему смеялись над ним и презирали его за безобразие.

Настала осень; листья на деревьях пожелтели и побурели; ветер подхватывал и кружил их по воздуху. Стало очень холодно. Тяжелые тучи сыпали на землю то град, то снег, а на изгороди сидел ворон и каркал от холода во все горло. Брр! замерзнешь при одной мысли о таком холоде! Плохо приходилось бедному утенку.

Раз под вечер, когда солнышко еще сияло на небе, из-за леса поднялась целая стая чудных, больших птиц. Таких красивых птиц утенок никогда еще не видал, — все они были белые, как снег, с длинными, гибкими шеями. Это были лебеди. Испуская какие-то странные крики, они взмахнули великолепными, большими крыльями и полетели с холодных лугов в теплые края, за синее море. Они поднялись высоко-высоко, а бедного утенка охватила непонятная тревога. Он завертелся в воде, как волчок, вытянул шею и тоже закричал, да так громко и странно, что сам испугался. Ах, он не мог оторвать глаз от этих прекрасных, счастливых птиц, а когда они совсем скрылись из виду, он ныр-

нул на самое дно, выплыл опять и долго не мог опомниться. Утенок не знал, как зовут этих птиц, не знал куда они летят, но полюбил их, как не любил до сих пор никого на свете. Красоте их он не завидовал; ему и в голову не приходило, что он может быть таким же красивым, как они. Он был бы рад-радехонек, если бы хоть утки не отталкивали его от себя. Бедный гадкий утенок!

Зима настала холодная-прехолодная. Утенок должен был плавать по воде без отдыха, чтобы не дать ей замерзнуть совсем, но с каждой ночью полынья, в которой он плавал, становилась все меньше и меньше. Морозило так, что даже лед потрескивал. Утенок без устали работал лапками. Под конец он совсем выбился из сил, растянулся и примерз ко льду.

Рано утром мимо проходил крестьянин. Он увидал примерзшего ко льду утенка, разбил лед своим деревянным башмаком и отнес полумертвую птицу домой к жене. Утенка отогрели.

Дети вздумали поиграть с ним, а ему показалось, что они хотят обидеть его. Он шарахнулся от страха и попал прямо в подойник с молоком. Молоко расплескалось. Хозяйка вскрикнула

и замахала руками, а утенок заметался по комнате, влетел в кадку с маслом, а оттуда — в боченок с мукой. Батюшки! на что он стал похож!

Женщина гонялась за ним с угольными щипцами, дети бегали, сшибая друг друга с ног, хохотали и визжали. Хорошо, что дверь была открыта, — утенок выскочил, кинулся в кусты, прямо на свежее-выпавший снег, и долго-долго лежал там почти без чувств.

Было бы слишком печально рассказывать про все беды и несчастья утенка в эту суровую зиму.

Когда же солнышко опять пригрело землю своими теплыми лучами, он лежал в болоте, в камышах. Запели жаворонки. Вернулась весна.

Утенок взмахнул крыльями и полетел. Крылья его теперь были куда крепче прежнего, они зашумели и быстро понесли его вперед. Не успел он опомниться, как уже очутился в большом саду. Яблони стояли все в цвету; душистая сирень склоняла свои длинные зеленые ветви над извилистым каналом. Ах, как тут было хорошо, как пахло весной!

И вдруг из чащи тростника выплыли три чудных белых лебедя. Они плыли так легко и плавно, точно скользили по воде. Утенок узнал этих прекрасных птиц, и его охватила какая-то непонятная грусть.

— Полечу к ним, к этим величавым птицам. Они наверное заклюют меня на смерть за то, что я, такой гадкий, осмелился приблизиться к ним. Но пусть! Лучше погибнуть от их ударов, чем сносить щипки уток и кур, пинки птичницы, да терпеть холод и голод зимою!

И он слетел в воду и поплыл навстречу прекрасным лебедям, которые, завидя его, замаячили крыльями и тоже поплыли к нему.

— Убейте меня! — сказал бедный утенок и опустил голову, ожидая смерти. Но что же увидел он в чистой, как зеркало, воде? Он увидел свое собственное отражение, но теперь он был уже не гадким темно-серым утенком, а — белым лебедем!

Не беда появиться на свет в утином гнезде, если вылупился из лебединого яйца.

Теперь утенок был даже рад, что перенес столько горя и бед. Он много вытерпел и поэтому мог лучше оценить свое счастье и все то величие, которое теперь окружало его. А большие лебеди плавали вокруг и ласкали его своими клювами.

В это время в сад прибежали маленькие дети. Они стали бросать лебедям хлебные крошки и зерна, а самый младший из них закричал:

— Новый прилетел! Новый прилетел!

И все остальные подхватили:

— Новый, новый!

Дети хлопали в ладоши и плясали от радости. Потом они побежали за отцом с матерью, и опять стали бросать в воду крошки хлеба и пирожного. И дети и взрослые говорили:

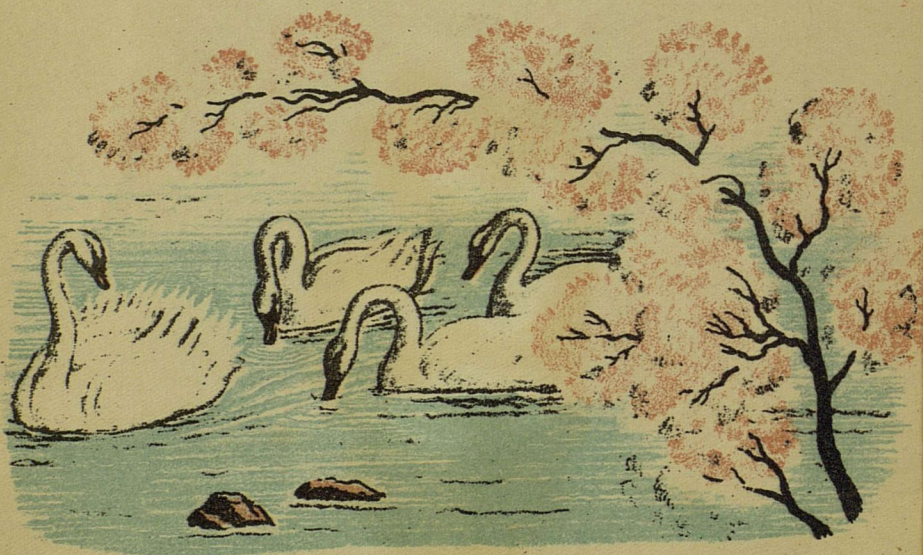
— Новый лебедь лучше всех! Он такой красивый и молодой.

И старые лебеди склонили перед ним головы.

А он совсем смутился и спрятал голову под крыло, сам не зная зачем. Он вспоминал то время, когда все смеялись над ним и гнали его. А теперь все говорят, что он самый прекрасный среди прекрасных лебедей. Сирень склоняла к нему в воду свои душистые ветви, а солнышко светило так тепло, так ярко... И вот, крылья его зашумели, стройная шея выпрямилась, а из груди вырвался ликующий крик:

— Нет, о таком счастье я и не мечтал, когда был еще гадким утенком!

ПЕРЕВОД А. ГАНЗЕН
РИСУНКИ Е. САФОНОВОЙ

А—65.

Д-5. Лендетизд. № 39. Ленгорлит № 10305. Тир. 200.000. У. а. л. 1,75. Бум. 72X93. Зак. № 71. Сдано в произв. и подп. к печ. 11/IV 1936 г. Редактор Т. Габбе. Художн.-ред. Ю. Петров. Техред. А. Банделов. Корр. Томина. 24-я литография ОГИЗа РСФСР треста „Полиграфкнига“ имени М. Томского. Ленинград, улица Мира, 3.